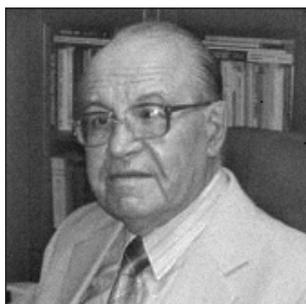

Рациональность, социальные технологии и судьба человека

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

Статья представляет собой анализ некоторых из тех преимуществ и недостатков, которые возникают при попытках технологизации социальной сферы жизни людей. Распространение современных социальных технологий представлено в терминах нового возрождения утопических проектов XVIII и XIX вв. Автор высказывает тезис о том, что без этих технологий современное общество немислимо. Исследуя способы сближения современных конвергирующих (НБИК) и социальных технологий, автор указывает на ряд угроз (для свободы, мышления и т.д.), которые возникают в рамках этого процесса для личности.

Ключевые слова: технология, общество, НБИК, личность, ценности.

Рациональность всегда была одной из высших ценностей европейской культуры. Но если в античности и в Средние века она связывалась философией с теоретически-созерцательным отношением к миру («теория» по-гречески означает «созерцание»), то начиная с XVII в. ее понимание соединилось с проективно-конструктивной установкой. Рациональность стала истолковываться как возможность контролирования человеком окружающей среды на основе научного

знания и тем самым освобождения человека от внешних зависимостей. Новоевропейскую цивилизацию В.С. Стёпин называет «техногенной»¹. Первоначально имелась в виду технология воздействия на природные явления. Потом стали выдвигаться проекты социальных технологий, на основе которых можно управлять социальными процессами.

Конечно, человеческое общество не может существовать без использования техники и разнообразных технологий. Технологии воздействия на природные процессы, а также направленные на достижение социальных целей, были всегда. К первым относятся технологии (и соответствующие техники и орудия) земледелия и скотоводства, ко вторым – технологии (а также техники и инструменты) ведения военных действий, административного управления, экономических отношений. Важными событиями в развитии социальных технологий были изобретение денег и новых средств коммуникации, таких, как письменность, книгопечатание, газеты и журналы. Особенность техногенной цивилизации не в том, что в ней впервые начинает использоваться техника и технологии, а в том, что в рамках этой цивилизации проективно-конструктивная установка в отношении природы, общества и человека становится доминирующей, а создание новых технологий осуществляется планомерно, во все больших масштабах и на основе развития научного знания.

Широкое влияние в XX в. получил проект разумного социального устройства, сформулированный Марксом в XIX в. Гуманизация общества и человека совпадает, по Марксу, с рационализацией социальных отношений (они должны стать «прозрачными»). Подобная рационализация с этой точки зрения возможна на основе построения системы отношений, планируемых в интересах всего общества. Каждый индивид ведет себя разумно в той мере, в какой он соотносит свои индивидуальные цели с рационально понятым социальным благом. Таким образом, хотя сам термин «социальная технология» отсутствует, по существу это первая развернутая социально-технологическая концепция радикальной трансформации общества и человека.

Сходное представление об идеальном общественном устройстве было предложено уже во второй половине XX в. таким далеким от Маркса и марксизма теоретиком, как классик бихевиористской психологии Б. Скиннер. Так же, как рациональное обучение предполагает его программирова-

¹ См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2002.

ние (Скиннер внес большой вклад в разработку теории программируемого обучения), идеальное общество, по Скиннеру, должно программировать поведение человека, делая его разумным, т.е. целесообразным с точки зрения интересов социального целого. Дело не в моральных качествах человека и не в его свободном выборе (они не нужны в идеальном обществе), а в программировании рационального поведения индивида. Рациональное общество и рациональный индивид существуют, по Скиннеру, на основе системы разных технологий, в том числе социальных, «по ту сторону свободы и достоинства»².

Однако именно в XX в. проявилась опасность подобного представления о рациональности и социальных технологиях. Прежде всего речь идет о социально-политической системе, получившей название социалистического тоталитаризма. Это было воплощением идей Маркса о возможности и необходимости разумного, технологического управления социальными процессами, основанного на их рациональной калькуляции, на контроле и полной предсказуемости результатов воздействия, что предполагает возможность проектировать и конструировать мир человеческих отношений, природу и самого человека. Технологически-инженерный подход к человеку и социальным отношениям становится популярным, в том числе и в культуре: идея создания «нового человека», советский конструктивизм в архитектуре («дом – машина для жилья»), лозунг о писателях как инженерах человеческих душ и т.д.

Между тем практическое осуществление этих идей означает возникновение огромного бюрократического аппарата, манипулирующего людьми и подавляющего все отклонения от того, что считается «разумным». Неизбежное следствие подобного понимания социальных технологий и человека – массовые репрессии, насильственная коллективизация, создание системы концентрационных лагерей, переселение народов – вот некоторые образцы подобных социально-технологических новаций³.

До недавних пор казалось, что грандиозные технологические проекты покорения природы и переделки социальных отношений ушли в прошлое, что это неосуществимые утопии, попытки воплощения которых породили, с одной стороны,

² Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. N.Y., 1971.

³ К. Поппер, всю жизнь разоблачавший тоталитаризм и не принимавший программы радикальных социальных трансформаций, тем не менее отстаивал идею «частичной социальной инженерии» (piecemeal social engineering) – иными словами, мыслил все же в контексте техногенной цивилизации.

экологический кризис, а с другой – кризис антропологический. Однако сегодня идеи о переделке природных образований, конструировании социальных отношений и трансформировании самого человека – его телесности и психики – вновь в повестке дня. Время утопий как будто бы возвращается. Это связано с возникновением феномена технонауки в контексте цивилизации знаний. Технонаука – это новые взаимоотношения между фундаментальным и прикладным научным знанием: исследование реальности и производство новых технологий все сильнее сращиваются друг с другом. Старый советский лозунг «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» зажил новой жизнью. Формулируется тезис о возможности выйти за пределы природных ограничений. Речь идет, разумеется, не о том, что можно обойти законы природы, а о том, что, опираясь на их знание и с помощью современных технологий можно (в принципе, хотя пока далеко не всегда практически) как искусственно воспроизводить природные образования, так и создавать такие, которые природа породить не может. Имеются в виду не просто технические конструкции, но и новые формы жизни и жизнедеятельности. Теоретики подобных проектов считают, что экологическое мировоззрение, исходившее из необходимости бережного отношения к природе, рекомендовавшее не нарушать сложившиеся экосистемы, сегодня безнадежно устарело.

Считается, что реализация этой новой проективно-конструктивной установки становится возможной в связи с развитием так называемых конвергирующих нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий, основанных на соответствующих науках. Их «конвергируемость» выражается в том, что они предполагают друг друга и друг в друга переходят. Нанотехнологии, в частности, используются при изучении мозга и психики и при производстве биотехнологий и технологий когнитивных. Информационные технологии пронизывают все остальные из этого набора, а информационные представления лежат в основе современной нейронауки и когнитивных исследований.

В связи с этим я хочу сформулировать тезис о том, что сегодня социальные технологии все в большей степени смыкаются с конвергирующими. Поэтому сокращенное название последних НБИК можно сегодня дополнить буквой С (для технологий социальных) и читать в целом как НБИКС. Конечно, многие социальные технологии опираются на результаты в соответствующих областях знания об обществе и человеке: социологии, экономической науке, психологии. Это относит-

ся, например, к политическим технологиям, к технологиям пиара и рекламы, технологиям финансовых операций и т.д. Но все же главные сдвиги в социальных технологиях сегодня и завтра связаны с развитием технологий конвергирующих. Сегодня это прежде всего информационно-коммуникационные технологии, в ближайшем будущем – биотехнологии, в более отдаленной перспективе нано- и когнитивные технологии.

В связи с современным использованием социальных технологий возникает много проблем. В их осмыслении и нахождении путей решения философия играет особую роль.

Прежде всего это вопросы, связанные с способами использования современных социальных технологий. А таких два.

Наиболее соблазнительным кажется понимание социальных технологий по образцу технологий воздействия на природные процессы. Человек в этом случае – объект приложения технологических приспособлений. Если большие социально-технологические проекты времен тоталитаризма отошли в прошлое, то более локальное использование подобных методов воздействия процветает и множится.

Современные информационные технологии, колоссально опосредуя отношения между получателем информации и ее источником, в огромной степени увеличивают возможности для манипулятивного воздействия на сознание. Когда человек имеет дело с информацией, которая касается его отношений с близким окружением, он всегда может ее перепроверить. К книжному тексту тоже можно отнестись критически: отложить книгу, вернуться к прочитанному тексту еще раз, переосмыслить его в свете собственного опыта. Телевидение воздействует иначе: произносимые с экрана слова исчезают прежде, чем зритель успевает рационально оценить значение информации, а сопровождающее их изображение обладает суггестивным воздействием, притупляющим способность к критическому размышлению. Между тем телевидение, получившее массовое распространение, во многом фабрикует образ реальности у своих потребителей путем навязывания определенной интерпретации событий и даже показа событий, которых в действительности не было.

Человек, включенный в современную систему массовых коммуникаций, оказывается податливым ко всякого рода пропагандистским воздействиям. Это используется в совре-

менном пиаре и так называемых политехнологиях. Главная цель профессионалов пиара – не развитие рациональных способностей человека и его способностей к самостоятельному, свободному принятию решения, а, напротив, притупление его критической рефлексии. Такого рода воздействия могут преподноситься как забота о человеке, освобождение его от груза размышлений и необходимости принятия решения. В действительности это превращение человека в запрограммированного робота, куклу, управляемую извне.

Но современные информационно-коммуникативные технологии предоставляют и другую возможность. Они могут быть использованы для развития творческих способностей человека, расширения пространства его свободы, его социальных и межличностных связей. Технологии – это средство. Такие человеческие ценности, определяющие его жизненный мир, как свобода, взаимопонимание, любовь, забота, не являются технологиями. Именно эти ценности и есть то, для осуществления и поддержания чего технологии могут и должны употребляться. Такого рода их использование представляется наиболее перспективным как с точки зрения человека, так и в интересах социального целого.

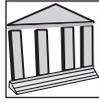
Но даже если речь идет о субъектно-ориентированных социальных технологиях, все равно возникает ряд принципиальных проблем, которых в недавнем прошлом не существовало. Дело в том, что технологии и соответствующие им техники не являются ценностно-нейтральными, по крайней мере, если речь идет о сложных технологиях. Конечно, если, например, иметь дело с таким простым приспособлением, как лопата, то ясно, что ее можно использовать для разных целей: и для копания ям, и для нанесения ударов по голове (вспомним применение саперных лопаток во время массовых демонстраций в недавнем прошлом). Сама по себе лопата ценностно-нейтральна, т.е. может быть использована как во благо, так и во зло. Но если иметь дело со сложными технологиями и соответствующими им техниками, то тут дело обстоит иначе. Например, какие бы цели ни ставили перед собою те, кто пользуется политическими технологиями, технологиями пиара (возможно, имеется в виду достижение блага общества и каждого отдельного индивида, хотя в такие цели трудно поверить в случаях современного использования подобных технологий), ясно, что подобные технологии в любом случае предполагают внушение, пропаганду, «промывку мозгов», т.е. обращение с человеком как со средством для достижения таких целей, которые сам он не ставит.

Современные технологии, в частности социальные, по сути взрывают жизненный мир человека. Речь идет о таких его инвариантах, которые лежат в основе человеческого существования в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм. Для иллюстрации этого тезиса я начну с рассмотрения Интернета – колоссального технологического и социального достижения, означающего выход на новые горизонты человеческой жизни и новое пространство свободы. Это снятие культурного изоляционизма, новые способы создания межличностных связей, возникновение сетевых сообществ. Если исторически существующие сообщества предполагают культурную традицию (т.е. особое отношение к времени) и органическое развитие, привязаны к определенному пространству, то сетевые сообщества возникают спонтанно и существуют в некотором смысле вне времени и пространства. Принадлежность к историческому сообществу не зависит от индивида. Отношение к сетевому сообществу определяется им самим.

В Интернете можно создать себе новую личность с новыми биографией и именем и вступить в коммуникацию (в чатах) с другими подобными. Ряд ограничений реальной жизни в этом случае снимается. Возникает «расширенная реальность» и «виртуальная личность». Появляются новые возможности для творческого самовыражения: создание и размещение в Интернете самых разнообразных текстов, начиная от претендующих на художественную литературу и кончая попытками решения научных и философских проблем, политическими размышлениями и комментариями о текущих событиях социальной, политической и культурной жизни. Если при публикации текстов на бумажных носителях в большинстве случаев существуют ограничения (цензурные, а также стереотипы, существующие в каждой сфере профессиональной деятельности), то в случае Интернета все такие ограничения снимаются. Человек как бы получает возможность для безграничного свободного творческого парения. Стирается грань между автором и читателем. «Авторствовать» в Интернете может каждый.

Это имеет важные политические следствия. Кажется, что авторитарные и диктаторские режимы несовместимы с Интернетом, ибо последний неподконтролен обычным средствам ограничения свободы слова. С помощью Интернета можно почти мгновенно создать сетевое сообщество (в том числе и на политической основе), вывести сторонников тех или иных идей на улицу. В недавнем прошлом это было невоз-

можно. Последние события в Северной Африке, приведшие к падению авторитарных режимов, продемонстрировали политические возможности Интернета и новых социальных технологий.

В связи с этим возникает идея «электронной демократии». Дело в том, что каждая из существующих форм демократии имеет свои изъяны. Прямая демократия (т.е. непосредственное участие народа в управлении государством) очевидно невозможна в современных сложных обществах. Принятая сегодня повсеместно представительная демократия чревата опасностью того, что избранные депутаты отрываются от своих избирателей и начинают преследовать собственные цели. Кажется, что обсуждение политических программ в Интернете и электронное голосование могут позволить перейти к прямой демократии, сопровождаемой критической дискуссией (демократии участия). Однако в действительности дела обстоят не так просто. На самом деле Интернет в том виде, в каком он существует сегодня, это не только новые огромные возможности, но и новые большие опасности.

Начну с того, что любой поступок в обычном, не виртуальном мире предполагает не только свободу, но и ответственность. Это необходимое условие реальной социальной жизни (Кант сказал бы: «трансцендентальное условие возможности»). В Интернете можно свободно высказываться обо всем, не неся за это ответственности и нередко прикрываясь вымышленным именем. В реальной жизни любой вид деятельности, начиная от строительства дома и кончая научными исследованиями и созданием произведений художественной литературы и искусства, предполагает определенные эталоны и нормы, без которых он невозможен. Эти эталоны одновременно являются фильтрами (если угодно, цензурой), не пропускающими в данную систему деятельности то, что ей не соответствует, то, что может ее разрушить, и одновременно позволяющими оценить качество сделанного и выделить образцы (авторитеты). В Интернете все эти ограничения сняты. Авторитетов нет. Все равны, каждый может быть автором независимо от таланта и профессиональности, высказываться о чем угодно и говорить все, что придет в голову. Реально это означает полную депрофессионализацию. Недаром сегодня в Интернете засилье ущемленных, озлобленных, не признанных в своей профессиональной среде людей. Как сказал один из наших деятелей культуры, то, что раньше писалось на заборах, сегодня вывешивается в Интернете. Если каждый является автором, то это конец художественной литературы

(такая теория сегодня выдвигается), и не только литературы. Это могло быть и концом науки (если бы научное сообщество всерьез относилось к интернетовским публикациям), и концом культуры в целом, так как последняя предполагает эталоны, образцы и иерархию – именно то, что отрицает современный Интернет.

Не так просто обстоят дела и с «электронной демократией». С помощью Интернета и социальных сетей можно вывести людей на улицу. Но для того чтобы предложить осмысленную программу выхода из социального и политического кризиса, нужны усилия экспертов, специалистов. В интернетовских чатах такие программы не вырабатываются. Вообще, как показывает жизнь, современное общество знания с его сложными технологиями, в том числе социальными, предполагает растущую роль экспертов, без работы которых сегодня невозможно никакое серьезное социальное, экономическое, политическое решение. Поэтому, как считает ряд теоретиков, современные социальные технологии предполагают не «электронную демократию», а скорее «экспертократию». Но в таком случае возникают другие проблемы. Как показывает опыт, эксперты могут исходить из интересов не основной части народа, а довольно узкой группы людей, к тому же они имеют собственные интересы.

Иными словами, Интернет и связанные с ним информационно-коммуникационные социальные технологии – это вызов традиционным представлениям о культуре, человеке и социальной жизни. Он порождает проблемы, которых раньше не было и которые нужно решать. Где искать это решение?

Ответ на этот вопрос предполагает серьезное обсуждение. У меня нет готового решения. Тем не менее будущее Интернета связано с тем, что наряду с сетевыми деиерархизированными сообществами он будет поддерживать и сообщества профессиональные с определенными эталонами и образцами деятельности. Последние не могут рассматриваться как неизменные, они должны быть динамичны и гибки. Но в каждый момент времени они должны существовать и маркировать профессиональную деятельность. Я думаю, что будут выработаны условия признания интернетовской публикации в качестве научной или литературной. Конечно, избавиться от хлама и мусора в Интернете невозможно (этот мусор может играть даже полезную психотерапевтическую роль). Что же касается человеконенавистнических, патологических и криминальных текстов, от них нужно найти способ избавиться. Иными словами, Интернет нуждается в регули-

ровании. Тогда он сможет превратиться из угрозы культуре в средство ее творческого развития, способ реализации человеческой свободы.

Другая проблема, порожденная современными технологиями, – возрастание риска для жизни. Общество риска – это не нечто отдельное от общества знания, а лишь обратная сторона той самой медали, на лицевой стороне которой помещены слова об обществе знания. На основе современного научного знания вырабатываются такие технологии, которые глубоко трансформируют сложившийся природный и социальный порядок. А это всегда чревато непредвиденными последствиями. При разработке новых технологий ведется специальная работа по минимизации рисков. Но полностью предотвратить их оказывается невозможным. И пусть их вероятность считается незначительной. В тех случаях, когда эти риски реализуются, последствия впечатляют. Это показали, в частности, недавние события в Японии. Когда проектировались атомные электростанции, землетрясение свыше 7 баллов считалось маловероятным. Но это маловероятное событие тем не менее произошло и создало угрозу для всей социальной жизни страны.

Работа по минимизации рисков будет продолжаться. Но их количество и степень опасности в обществе современных технологий вряд ли уменьшатся. А это предъявляет определенные требования к человеку. С одной стороны, возникает необходимость принимать быстрые решения в непредвиденных ситуациях, т.е. расширять пространство свободы. С другой стороны, возникает также необходимость большего контроля за индивидом со стороны общества, особенно в условиях техногенных и террористических угроз. Это можно будет делать уже в ближайшем будущем с помощью единых электронных карт, в которых фиксируются передвижения человека, посещение магазинов, покупки и т.д. Можно снабдить человека таким устройством, которое будет постоянно сообщать о его местонахождении и происходящих с ним событиях, что позволит давать рекомендации относительно его передвижений, а в случае возникновения опасных ситуаций вмешиваться в его жизнь. Это, конечно, способ контроля за человеком и ограничение его свободы (как мы помним, одно из неотъемлемых прав человека, записанное во «Всемирной декларации...» – право на свободу перемещения). Но можно предполагать, что большинство людей охотно примет такое ограничение в условиях повышенного риска. В интересах безопасности контроль над человеком может пойти еще

дальше, поскольку современные технологии позволяют это, причем речь идет не об отдаленном будущем, а том, к чему мы подходим уже сегодня.

Но где же в таком случае грань между необходимым ограничением свободы в сверхсложном технологическом обществе и возможностью манипуляции человеком в интересах определенных социальных групп? Вообще в современном обществе граница между «моим» и «немоим», между частным и публичным пространством, принципиально важная для европейской культуры в течение многих столетий, все более размывается. И это порождает проблемы, связанные с пониманием человека, его свободы, его возможностей.

Развитие биотехнологий рождает новые вызовы. В ближайшем будущем можно будет быстро и недорого создавать индивидуальную генетическую карту человека, на основе которой судить не только о его биологических особенностях, болезнях, но о предрасположенности к тем или иным заболеваниям. Можно представить, как подобные карты могут быть использованы современными работодателями, какие возможности для контроля над человеком они открывают.

Еще дальше идут современные эксперименты, связанные с прямым вмешательством в тело, мозг и психику человека. Это не только воздействие на человеческий геном («редактирование» или переделка геномной карты), но прямое вмешательство в мозг, в сенсорную систему. Таков, например, проект создания «идеального солдата», который будет более физически выносливым, меньше спать и есть, воспринимать больше сенсорной информации (с помощью особых вживленных в мозг приспособлений), быстрее принимать решения. Считается, что это будет сделано с помощью НБИКС-технологий. Еще дальше идут исследователи, которые думают, что на пути современного научного и технологического развития можно будет не только удлинить срок человеческой жизни, но и осуществить вечную мечту о бессмертии. «Постчеловек» мыслится как такой бессмертный.

Между тем сами попытки воплощения подобного проекта в жизнь могут породить чудовищные результаты, что уже неоднократно наблюдалось, в частности, в связи с возникновением экологической катастрофы. Вмешательство в работу мозга при недостаточном знании сложнейших механизмов его работы способно породить не более совершенное существо, а ужасного монстра.

Но допустим, что нам удалось создать бессмертного «постчеловека». Можно показать (я писал об этом в других

текстах более подробно), что такое существо будет лишено всех принципиально человеческих качеств: чувства любви и сострадания, мужества, заботливого отношения к старикам и детям. Ибо бессмертному они не нужны. Пропадает стимул для творчества, для обновления жизни. Иными словами, исчезновение смерти может лишить жизнь ее смысла. Бессмертный нелюдь выступит убийцей человека.

Социальные технологии (во взаимодействии с нано-, био-, инфо-, когнитивными технологиями) – знамение нашего времени. Без них современное общество невозможно. Наше время – время больших проектов, о чем свидетельствует деятельность транснациональных корпораций. От простого прогнозирования будущих событий человечество переходит к его проектированию. В этом, в частности, выражается феномен глобализации. Перед человеком действительно открываются новые возможности.

Но нельзя забывать о том, что неотъемлемые качества человека, без которых он невозможен, такие, как стремление к свободе, творчеству, любви, диалогические отношения с другими, заботливость и др., в принципе не технологизируемы. Если мы попытаемся технологически на них воздействовать, управлять ими, мы уничтожим самого человека. С помощью разного рода технологий, в том числе социальных, можно создавать условия для лучшего проявления специфически человеческих качеств (так, с помощью педагогических технологий можно создавать условия для развития творческих способностей). Но нельзя управлять свободой, творчеством, любовью, диалогом и т.д.

Развитие современных конвергирующих и социальных технологий заставляет переосмысливать многие старые философские проблемы, например проблему рациональности. Может ли рациональность быть понята как только технологическая (или технонаучная)? Каково место в современном мире рациональности понимания и рациональности диалога? Существуют ли пределы рационального предвидения и действия? Что значит человеческая свобода в мире современных социальных технологий? Где границы этой свободы? Что такое человеческая субъективность? Каковы пределы конструктивно-проективного отношения к миру? И что такое реальность природы, социальных отношений, самого человека и его сознания? Можно ли сегодня провести четкую границу между знанием и тем, что принято на веру с помощью современных информационно-коммуникационных технологий?

Согласно одной из современных теорий человек есть не что иное, как биологический организм плюс совокупность используемых технологий. В соответствии с этой концепцией невозможно провести принципиальную границу между субъектом технологического действия и используемыми им технологиями. А с учетом того факта, что сегодня биологический организм во все большей степени становится объектом технологических воздействий, от человека остается только лишь совокупность разного рода технологий. Субъект исчезает, субъективность, Я рассматриваются как некие фикции, используемые в обыденной жизни, но не имеющие научного смысла (в свое время известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий писал о том, что человек – это миф: то, что называется этим словом, – лишь функция от деятельности, которая должна рассматриваться как подлинная субстанция). Так ли в действительности обстоит дело? Я считаю, что совсем не так: мир сознания, свободы, субъективности – это самостоятельный уровень реальности, не сводимый к другим. В любом случае ясно, что проблема субъективности – это актуальная проблема и один из современных вызовов философии.

Иногда говорят, что смысл философской деятельности заключается в творческом конструировании новых миров и новых соответствующих им типов гоминоидов (по-видимому, в число последних включается и постчеловек). Это идея так называемой экспериментальной метафизики. Я думаю, что в действительности философия играла другую роль в истории культуры. Философия всегда пыталась создавать такие концептуальные модели взаимоотношения человека и мира, которые помогали бы построить мосты между жизненным миром человека (включая окружающий мир и мир субъективности) и миром, создаваемым теоретической мыслью – научной и философской (микромир, мегамир, мир математических объектов, мир идей и т.д.). Философия всегда была средством «оживания» тех необычных, противоречащих здравому смыслу миров, которые создавала творческая мысль, способом гармонизации постоянно менявшихся отношений между человеком и космосом. В век «конвергирующих» технологий, взрывающих привычный жизненный мир, философия как незаменимый способ сохранения человека становится жизненно насущной.

Существует реальная опасность использования социальных технологий для уничтожения человека. В изданной по-

смертно книге А.А. Зиновьева «Фактор понимания» аргументируется тезис о том, что создание больших проектов чревато уничтожением социального времени и потерей смысла человеческого существования⁴. Думаю, что эти рассуждения не беспочвенны.

Современные социальные технологии могут способствовать возвышению человека. Но они могут и уничтожить его. А это значит, что они нуждаются в философско-гуманитарной экспертизе.

⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2009.